

Если раньше самым желанным предметом были сдвоенные труды, когда можно столько времени «гонять балду», ибо учитель давал какие-то необязательные задания или вообще занимался своим делом, изредка покрикивая на пацанов, чтобы сильно не шумели, то теперь все расслаблялись на уроках физкультуры. Там можно поиграть в баскетбол или волейбол. Но сначала обязательная разминка — несколько кругов вокруг зала.

Здесь Вадим совершенно случайно удивил всех, причем — трижды.

Раз физрук для разнообразия устроил мини-соревнования: кто быстрее всех из парней доскачет на одной ноге до противоположной стены спортзала и обратно. Парни в трико выстроились на старте, физрук дал отмашку. На первых же секундах Вадим без видимых усилий вырвался вперед. Противоположной стены он достиг, когда другие только одолели середину зала. Вернулся он на прежнее место с нереальным отрывом.

Физрук ничего не мог понять: доходяга, на занятиях не блещет, ноги явно не спортивные — и вдруг такое. Он не знал, что и сказать, хотя на него требовательно смотрели недоумевающие одноклассники. Если бы всех обогнал упитанный и высоченный Коваль, это бы ему простилось. Он всегда такой вежливый, выдержанный, аккуратно подстриженный, безупречен в одежде, — угадываются дворянские гены. Но он пришел вторым.

Когда парни отдышались, измождено прижимая ладони к коленям, и уже хотели натягивать волейбольную сетку, явно задетый за живое физрук снова всех выстроил, словно его не устраивал результат:

— Давайте повторим бег на одной ноге...

Снова все смешно рванули с подпрыгом, теперь каждый старался из последних сил, чтобы «нивелировать» достижение этого хлюпика. Но все тщетно. Вадим скакал в трех метрах впереди и даже оглядывался на ходу с затаенным пренебрежением: мол, куда вам. Девчата галдели у застекленной стены, пытаясь в меру разумения комментировать между собой только что увиденное.

Физрук опять тяжело ломал голову над этим феноменом, а ребята с запозданием стали натягивать сетку, чтобы успеть разбиться на команды и хоть один разок сразиться в волейбол.

На следующей неделе не успокоившийся физрук снова всех заставил скакать на одной ноге. Теперь он стоял вместе с девчатами, чтобы сбоку наблюдать за Аتماкиным: что-то тут не то. Когда Вадим вперед всех

коснулся рукой стены и сделал реверс, физрук встревожено закричал:

— Ногу! Смени ногу!..

Атмакин неохотно перешел на правую ногу и тут же словно застопорился — все, грохоча кедами по дощатому полу, пронесли мимо него, а он безнадежно отстал.

— Понял! — радостно выдохнул физрук. — Он не менял ногу...

Подошел к расшифрованному Вадиму и стал задавать профессиональные вопросы:

— В детстве был перелом правой ноги?

Вадим утвердительно кивнул.

— Ходил на костылях? Ясненько. После травмы у тебя правая нога стала намного слабей, зато левая неестественно развилась...

Одноклассники сразу успокоились и потеряли интерес к Вадиму: ишь какой, захотел всех провести...

В следующий раз в спортзале не успели убрать расстеленные маты, видно, до этого тренировались борцы. Физрук послал ребят парно сносить тяжеленные маты в угол зала. От нечего делать Вадим прошелся по пружинившим матам, потом, сам от себя не ожидая, резко оттолкнулся ногами, перевернулся в воздухе и благополучно приземлился на пятки в сидячем положении. Он сам обалдел от этого, словно долго тренировался. Все ринулись повторять его трюк, но грузно шлепались спиной или отбивали себе копчик.

— А ну-ка, еще раз! — потребовал от Вадима крепыш Нурлан, чтобы посмотреть, как это делается.

Вадим с силой поднырнул себе под ноги — только с таким бесстрашным замахом можно успеть вернуться в воздухе. Остальные не решились сильно отталкиваться и поэтому у них ничего не получалось, только потиралишибленную поясницу или что-то другое...

В третий раз Вадим удивил одноклассников во время игры в волейбол. Когда подошла его очередь делать подачу, он, почувствовав прилив куража, с чрезмерной силой и почти незаметной подкруткой пушечным ядром запустил мяч почти над самой сеткой, и его не смогли отбить — мяч отлетел за линию игры. При следующей подаче все уже нетерпеливо гудели, ожидая от него изюминки. Он снова резанул мяч, который невозможно было отбить...

При школе работала секция вольной борьбы. Вадим никуда не записывался, но однажды Бигенов, с которым теперь они вместе возвращались домой, уговорил сходить за кампанию на секцию, где он занимался. Просто посмотрит. У Вадима не было никакого интереса снова плестись в свой спортзал, чего он там не видел? Но Нурлан не отставал, даже налил ему чая, чтобы тот не заглядывал к себе домой.

На секции резвились самые мускулистые парни с восьмого по десятый класс. Нурлан тоже хотел взглянуть предельно мужественно — чтобы с ним все считались. В этот день на спаррингах присутствовало десять человек. После разминки начались схватки. Все попеременно боролись с победителем. Здесь уже сложился свой рейтинг. Первое место прочно держал почти «квадратный» Жанзак из параллельного класса, сын прокурора. С ним было бесполезно — на соревнованиях никто из его соперников не мог продержаться больше восьми секунд.

Второе место с переменным успехом удерживал Исламов из десятого класса, тоже непомерно широкоплечий. Он брал ловкостью и выносливостью. Тулегену иногда удавалось одолеть его, и он очень этим гордился, выходя на второе место по школе. Сегодня он был в приподнятом настроении, видимо, хотел перед одноклассником продемонстрировать свою удачу, но все равно был уложен на лопатки.

К концу тренировок Бигенов, словно в насмешку, стал подталкивать Вадима на неразумный ход:

— Ну-ка, попробуй схватиться с Исламовым, может, тебе больше повезет...

Исламов не без интереса уставился на Атмакина, одетого в школьный костюм.

— Давай, переодевайся, в раздевалке есть запасное трико, — не отставал Бигенов, видно, хотел полюбоваться, как Вадима будут мотылять по дерматину.

— Да я и приемов никаких не знаю, — отговаривался Атмакин из вежливости. Он уже заметил нездоровый блеск в глазах Исламова, видно, тот не прочь намять ему бока, да и Нурлан все время подмигивает ему провокационно.

Теперь и другие подключились к уговорам:

— Давай, поборись, не корову же проиграешь...

Уже совали под нос Вадиму форму, и он обреченно махнул рукой: ладно, черт с вами! Быстро переоделся, физрук предупредил его: схватка по правилам длится две минуты, он засекает время.

Вадим решил хотя бы продержаться это время, просто всячески уходить от захватов. Участники спарринга пожали друг другу руки и разошлись. Исламов стал пританцовывать вокруг беспомощно поворачивающегося Атмакина, приноравливался, какой прием предпочтительней пустить в ход. Вадим уклонялся от его рук, сбрасывал их, держа дистанцию. Как ни старался Исламов, он не мог подобраться к осторожничающему противнику. Вадим слепо подчинялся своей интуиции, и она не подводила его. Наконец Исламову удалось обхватить его руками, и он стал мотать его из стороны в сторону, Вадиму чудом удавалось сохранить равновесие. Зрители оживились, то один, то другой разражался нутряным первобытным междометием. Перешли в партер, Исламов уже дожимал новичка. Вадим не ожидал, что за две минуты можно так выдохнуться, силы его катастрофически таяли. Исламов уже по-другому обхватил его — со спины, упираясь животом в его тмя.

И тут до Вадима донесся голос физрука, явно болеющего за него:

— Если он сейчас догадается взять в замок...

Вадим думал, что у него безвыходное положение, но слова физрука оказались хорошей подсказкой. Время уже истекло, но борцов не разнимали, ожидая, что через считанные секунды все и так закончится.

Вадим прекрасно сообразил, что делать. Он зажал под мышками руки противника и резко поддался назад, лишь бы хватило сил. Исламов легче, чем ожидалось, перелетел через него и сразу оказался на лопатках.

Бигенов был явно ошарашен таким исходом, растерянно оглядывался, улавливая чужую реакцию на это, которая его явно не радовала. Все обсуждали чудесное избавление казалось бы обреченного новичка.

Едва Аتماкин пришел в себя, к нему азартно подскочил сын прокурора.

— А ну, давай с тобой!..

Жанзак принял его всерьез — вот что самое смешное. Никто не подумал, что Вадиму просто улыбнулась удача, а такое случается редко. Вадиму дали немного отдышаться, Жанзак все это время пристально изучал его.

Едва борцы поприветствовали друг друга, Жанзак своей поистине стальной правой кистью молниеносно схватил Вадима за тощее запястье, дернул на себя и своим коронным приемом через бедро шваркнул его бокон на мат. Вполне хватило и трех секунд. Лишь после этого Жанзак стал удовлетворенно собираться домой с видом эпосного борца-самородка Хаджи Мукана. Он опять всем продемонстрировал, что круче него в пределах видимости никого нет. Он и не сомневался в таком результате, но лучше выбить почву из-под возможных разговоров, что кто-то, возможно, проворнее этого бесспорного чемпиона.

Самое интересное, физрук через Нурлана потом передал, что Аتماкин тоже может записаться на секцию вольной борьбы. Вадим равнодушно махнул рукой:

— Да какой из меня борец...

Что за дурь такая? Здоровенные лбы нашли новую забаву. Теперь со всех ног бегут на большой перемене в угол двора к заросшему кленами пролomu, где в траве натоптана глинистая полянка, и начинают какую-то посконную игру. Выбранный по жребию выставляет подмышкой вывернутую ладонь, кто-то хлопает по ней своей. Нужно отгадать кто. Разгаданный в свою очередь становится «мальчиком для битья», такая вот коловерть. Выкопали же откуда-то эту забаву, про которую Аتماкин не ведал и мальцом. У самого Вадима не было особой охоты впадать в детство, но раз сам Коваль не гнушается этим и даже выказывает определенное довольство, то и ему не след откальваться от коллектива.

Любопытные серые вороны отлетают подальше от сборища и со стороны наблюдают за неприкрытой дурашливостью почти взрослых парней. Биологичка намедни просветила: все это бабушкины сказки, что вороны с сороками могут протянуть сто лет. Они в дикой природе живут столько, сколько им, девятиклассникам, сейчас, не более того.

Как здесь скучно в отношении пернатых! Вдобавок к этим птицам увидишь лишь голубей и воробьев. Карканье, гульканье и чириканье — вот и весь репертуар. Правда, на речку иногда откуда-то залетают степные чайки и пытливо кружатся над водой в поисках мелких рыбешек на отмелях. Хоть бы какая-нибудь умница догадалась завезти сюда за пазухой парочку синичек для разнообразия, может, прижились бы, — на площадках элеватора и зимой бывают бурты хлеба, который уже некуда прятать в иной урожайный год.

«Мальчик для битья» оборачивается, все суют ему под нос кулаки с поднятым вверх большим пальцем, но он старается определить стукнувшего по глазам, они обязательно выдадут: сразу видно, чья кошка стащила сало...

После энной по счету игры в эти побивалки Аتماкина стало разбирать желание почубучить — это стучался в груди внутренний протест против такого дебильного времяпрепровождения. Когда разгаданный Махоня выставил свою вывернутую ладонь, прижав ее к спине, Вадим так саданул по ней своей хваталкой, что рыжий едва не потерял равновесие. Озадаченно оглянулся:

— Вот это да!..

Все заливаются от хохота, поводя перед собой кулаки с жестовой вывеской «O'key!». Шарит, шарит глазами Махоня: у кого столько дури в бицепсах? Наверное, у Бигенова. А вот и нет!..

Снова поворачивается спиной. Свежий удариле от всей души. Кто это так мочит? Ребята уже задыхаются от хохота. Неужели Коваль? Не по дружбе эдак. Нет, не он...

В третий раз Махоня уже несколько рассерженно пялится на Сидорчука:

— Ты, что ли?..

Опять промах. Да что такое, в самом деле?..

Всех «ударников» перебрал рыжий, дольше других находился в нежелательной позе. В конце концов, усталился на узкоплечего Вадима:

— Неужели?..

Пришлось Аتماкину становиться жертвой. Резанул в уши дробный звонок от школы, и тут же кто-то как врежет Вадиму прямо по ребрам — видно, промахнулся в спешке. Конечно, Махонина щедрость...

Отомстили за все. Ну да ладно...

Когда класс вдоволь поплутал в лабиринтах тригонометрий-стереометрий, всегда ровная и тактичная Анна Сослаббековна пошла на эксперимент. Она объявила на уроке:

— Хочу предложить вам необычную контрольную. У меня есть задача, предназначенная для вузов. У вас будет возможность испытать себя. Тот, кто первым решит задачу, получит годовую оценку выше на целый балл. У кого «троечки», получит «четверку» в таблице, хорошист станет отличником. С этой задачей справится только тот, кто усвоил синусы и косинусы. Готовы?

Она стала рисовать на доске сложную проекцию, а школьники, вырвав сдвоенные листы из серединки тетради, подписывали их.

Все эти синусы, а заодно и функции, вызывали у Аتماкина стойкое отторжение. Не переваривал высшую заумь и поэтому не особо вникал в это. Не для него — и баста! Раньше он что-то ухватывал из точных наук, не сказать чтобы совсем «не бельмеса», а теперь плелся бездорожьем, больше нажимая на литературу, историю и обществоведение.

Но сейчас в его груди клацнули контакты, настраивая его на высшую степень готовности, как перед взлетом на ракете. Состязательность подстрекала на прорывы, перспективы поразить ближних захватывали. Дают такой шанс! Неплохо бы утереть всем нос. Он даже об оценках не особо пекся. Здесь прозревается что-то заоблачное, горние выси, которые ты волен покорить. Вот только как быть с этими паршивыми синусами? Как их обойти?..

Все, погружаясь в транс, надо квази-квази сосредоточиться, все сейчас расщелкаю! Стал вникать в чертеж, который скопировал в свой листочек. Надо определить вот этот угол. Цейтнот щекотал нервы, полная концентрация! Он уже никого не видел вокруг, лишь эти треугольники. Надо войти внутрь этого чертежа, потрогать руками абстрактное построение, внутри все будет очевиднее...

Через несколько минут, равнозначных парам световых лет, он прозрел: а ведь можно пройтись окольными путями и перешагнуть через эти синусы. Очень длинно, двойное применение старой доброй теоремы Пифагора, масса промежуточных вычислений. Очень примитивно, ясно, что в вузах это решается иначе. Вот только хватило бы времени...

Отстранившись от всего сущего, выводить и выводить ручкой столбики цифр, приближаясь к заветной цели. Покосился на склонившую голову Ахатову, эта всюду балуется с косинусами, она точно решит задачу. Если он не опередит. Главное, чтобы ответ совпал.

До звонка совсем мало, последнее усилие, последний надрыв.

Аتماкин поднял голову. У Анны Сослаббековны вопрос в черных зрачках: перетрудился — или?..

Он громко назвал цифру.

— Такой ответ?

Учительница замерла на миг, заглянула в свою тетрадку. На ее лице заиграло сложное выражение: вот он, момент полной неожиданности. Середнячок вдруг опередил всех.

— Действительно... — медленно произнесла учительница.

Что такое с полным правом испытать торжество? Очень сильные эмоции. Снайперское попадание за пределами видимости цели. И это он, а не кто-нибудь! Вокруг зазудел воздух, словно от коллективного выдоха. Все оторвались от своих записей и уставились на него. Непредсказуемый типаж. А, может, это досадная случайность или он просто подтасовал?..

Анна Сослаббековна тоже должна была убедиться в истинности произошедшего. Прошла в его сторону, взяла листок и вернулась к своему столу, углубившись в его неряшливые каракули. Даже Коваль отодвинул свой листок — зачем утруждаться, раз все равно опоздал? Все ожидали вердикта учительницы.

Анна Сослаббековна, конечно, вникла в извилистые ходы Аتماкина и вынуждена была признать с некоторой оговоркой:

— Вообще-то можно решить и так...

Какой-то болью отдался в перепонках звонок. Лишь Сауле продолжала что-то писать, не обращая ни на кого внимания. Это не ускользнуло от внимательной Анны Сослаббековны. Она подошла к Ахатовой и участливо спросила:

— Ты, наверное, заканчиваешь?..

Это было щедрой форой вдумчивой ученице. Сауле выдохнула почти страдательно:

— Две секунды...

И вскоре облегченно откинулась на спинку стула. Учительница взяла ее листок и, черкнув по нему взглядом, удовлетворенно произнесла:

— Да, именно так решают это в институте...

И повысила голос в уже гомонящем классе:

— Все-таки сдайте листочки, кто уверен в себе. Хочу посмотреть, кто еще был на верном пути. Это зачтется...

С тех пор учительница геометрии, а заодно и математики, по-особенному поглядывала в сторону Аتماкина. А через пару недель стала отбирать кандидатов на районную олимпиаду по математике. Она принялась перечислять фамилии тех, кто, по ее мнению, сможет достойно показать себя:

— Ахатова, Коваль, Малинина...

Оглядела класс, видно было, что нужен еще один человек. Встретилась взглядом с Вадимом и завершила:

— Ну, еще Аتماкин...

Вадима словно ужалила гюрза. Надо бы отказаться, но неудобно было протестовать. Вот и попался, это же не стереометрия. Будут ненавистные функции крутить ему кукиши. За то, что он их знать не хотел. Неужели учительница думает, что он и там всех удивит?..

Районная олимпиада проходила в просторном читальном зале местной школьной библиотеки. Съехались лучшие ученики — по паре от каждой сельской школы. Набралось больше тридцати человек. Все с серьезными лицами, рассматривают друг друга, оценивают.

Анна Сосламбековна раздала сдвоенные листочки, на которых надлежало каждому написать свою фамилию, и зачитала задание. Конечно же, со сплошными функциями...

Рядом за столом тяжело задумалась над развернутым тетрадным листом Юля Малинина, кусает изящно очерченные губки. За ее спиной уже что-то быстро строчит Ахатова, мстительно жмуря глаза. Вполне уверенно машет авторучкой и Коваль. Удивительная гармония внешнего и внутреннего — никогда не повысит голоса, не замечен в мелком интриганстве или двурушничестве, всегда ровное настроение. Наверное, ни разу не пропустил занятий даже по болезни, — они его обходят стороной.

Иногородные вундеркинды тоже по уши сосредоточены, раскручивают математические хитросплетения. Им некогда оглядываться по сторонам, важно не подкачать в отстаивании чести школы и привезти с олимпиады красивую грамоту. Один Аتماкин томится, сознавая свое полное бессилие. Эти функции не объедешь на хромом мерине.

Все, довыпендивался, можно даже не решать. Аتماкин тупо сверлил взглядом свой листок. Смалодушничал, сразу не отказался, вот и получай фашист гранату. Нечего и пытаться напрягать извилины, ничего не поможет, если вакуум в голове, если ты ни в зуб ногой. В классе всех выручала Ахатова, давала списывать домашние задания по точным наукам, Вадим тоже не гнушался этим. Он даже у матери как-то спросил, что она знает о функциях. Она, проведшая школьные годы в глухой деревне, мало чем могла помочь. Только ворчала, что в их время программа была гораздо проще, а сейчас забивают бедным детям головы черт-те чем...

В голову лезли дурные мысли. А вот если бы забитая елетрочница Гуля Хасенова быстрее всех решила ту институтскую задачку? Все точняк попадали бы со стульев...

Наверное, Анна Сосламбековна испытала законное чувство обиды и разочарования за свою оплошность, когда раскрыла работу Аتماкина. Его листок был девственно чист. Блестящий результат самострела...

Ромка Чесноков из параллельного класса, с мощной грудью кузнеца, в сильных минусовых очках, изредка заглядывал к «бэшникам» на большой перемене. У него был наготове живодерский фокус-покус, созерцание которого выдерживала не каждая нервная система. Вынимает из нагрудного кармана медицинскую иглу среднего калибра, нацеливает на свою левую мохнатую руку и спрашивает у первого, попавшегося на глаза:

— Куда воткнуть?

Это тот недоношенный случай, когда на ответ никто не отваживается; или не до всех доходит сразу, хотя шея не как у жирафа. Помедлив, Роман со сжатыми губами грубого покроя начинает медленно вонзать иглу в свою ладонь.

— Хватит! — пищит кто-то сердобольно.

Чесноков, усмехаясь, продолжает давить на иглу, пока не показывается с тыльной стороны ее заостренный наискосок конец. Игла прошла мимо костяшек.

— Убери! — истерично машет руками комсорг Ахатова в неизменном школьном фартуке и малиновым значком на груди в виде знамени.

— И не больно? — интересуется хладнокровный Перегуда. На сельской ферме, где работают его родители, он, наверное, видал и убой скота, ему привычно.

Чесноков, ничего не проясняя на счет испытываемых эмоций, начинает вытаскивать иглу. На ней ни капли крови, на руке тоже.

— Могу проткнуть вот здесь...

Роман начинает вдавливать иглу между лучевых костей предплечья — до самого упора.

— Не страшно? — как на работа смотрит на него Гузун.

— Можешь попробовать сам, — протягивает ему иглу Чесноков.

Желающих повторить фокус не находится. Вадим изучающее смотрит на свои худые руки: как бы эта игла пронзала его ладонь?.. Никому и в голову не приходит простая мысль: почему Чесноков не обеззараживает иглу хотя бы одеколоном? Да и откуда он у него? Не будет же с собой в школу таскать флакон...

Вместо этого рискованного фокуса Нурлан Бигенов придумал от нечего делать состязание в силе мускулов. На перемене он перехватил между столами Сидорчука и предложил побороться на руках — армрест-

линг по-научному. Не постеснялся чужих бородавок и с удовольствием прижал к крышке стола руку гундоса. Потом окликнул Жамбурбаева:

— Иди сюда...

Ибрагим шутнул в своем стиле:

— А какой приз победителю?

— Я тебя бесплатно завалю,— самонадеянно ответил Бигенов.

Он не долго с ним нянчился. Внезапно у всех присутствующих проснулся зуд попробовать и свои силенки. Выстроилась целая очередь возле Бигенова. Едва отходил очередной проигравший, на его место резво бухался на стул следующий. Бигенов, выросший на домашнем кумысе, не сомневался, что одолеет всех одноклассников. И действительно оказался сильнее Перегуды, Задоркина, Гузуна.

У проигравших лелеялась надежда, что Махоня проучит разошедшегося Нурлана. Позвали его из коридора. У Махони бицепсы были пообъемней, он без особого труда вырвал титул у Бигенова. Парни, удовлетворенные таким окоротом, стали шарить глазами: кто еще остался не испытанным? Коваль. Но он не спешил присоединиться, рылся в своем фирменном портфеле, вполне пригодном и для министра средней руки. К такому дворянчику нужен особый подход, у него свои приоритеты.

Целая делегация стала его провоцировать помериться мускулами с победителем. Даже подтолкнули к нему Махоню. Дело осложнялось тем, что они приятельствовали. Коваль не стал сопротивляться, снял пиджак. У него предплечье оказалось выше, стал брать на излом. Махоня начал потихоньку левой рукой хвататься за крышку стола. Ему сразу:

— Не честно!

Тот убрал конечность, раз ее не положено задействовать в помощь. Сцепленные руки ходили маятником: то один пересиливает, то другой. С трудом Махоня почти до предела пригнул руку приятеля, Коваль расслабил мышцы под провальное буханье кисти о крышку стола — ему надоело пыжиться в этой глупой затее.

Вечно сутулящегося Аتماкина никто не воспринимал всерьез, на него даже не обращали внимания, когда он стоял в толпе болельщиков. Жамбурбаев ради смеха окликнул доходягу:

— Ну-ка, сразись с Махоней!..

Дружный перескок скользких улыбочек с лица на лицо. Всех это позабавило. До звонка еще оставалась пара минут, и Вадим без особого настроения уселся напротив Степки. Тот без тени сомнения решил сразу давануть как следует, чтобы покончить со всем этим. Вадим не ожидал такого напора, спохватился, когда его рука едва не прилипла к столешнице. Стало обидно за себя. Он уперся насмерть и не отдавал Махоне оставшихся сантиметров. Как ни напрягал рубаха-парень свои веснушки, больше он не мог продвинуться ни на миллиметр.

— Боевая ничья? — кто-то спросил озорно.

Вдруг рука Аتماкина стала медленно приподниматься. Еще, еще, и все вернулось в исходное положение. Недоуменные переглядывания. Тут уже и девичьи лица нарисовались над плечами парней. И вот все видят, что мощная рука Степки начинает обратный ход. Что-то нереальное. Он тужится, не желая терять сложившийся имидж негласного вожака, но ничего не может поделать — его рука уже под углом в сорок пять градусов в сторону проигрыша.

Когда Вадим припечатал к столу руку Махони, ему стало даже жалко его — такое у того было потерянное выражение в глазах. У всех других зевак лица одновременно деформировались в недоумении. Такого никто не мог даже предположить.

Прозвенел звонок, и все стали усаживаться на свои места.

— Как ты так? — непонимающе моргал на Вадима Сидорчук, критически оглядывая немощные на вид руки соседа-безотцовщины, его узкие плечи.

— Будешь с двенадцати лет рубить на зиму дрова, поневоле накачаешь мускулатуру...

На следующий день Чесноков опять заявился в их класс со своей излюбленной иглой. Жамбурбаев указал ему глазами на худышку Аتماкина:

— Не хочешь с ним помериться на руках? Он вчера всех нас заборол...

Чесноков скомкал свои бесформенные губы, ни в грош не ставя такое громкое сообщение. Это так плоско шутит Ибрагим. А тот прицепился к нему на полном серьезе:

— Давай, давай!..

Встали с Аتماкиным поперек чужого стола. Рука у Чеснокова оказалась литой, чугун, однако. Но сразу раздавить Вадима он не смог, потревоженность сверкнула в его серых глазах сквозь представительные линзы. Минуты три они пыхтели, не в силах разрушить вертикаль. Борьба оказалась не зрелищной, даже скучной. Застыли и все тут!..

— Помочь тебе? — Жамбурбаев с хитрецей поднес свою смуглую до густой палевости руку к Вадимовой.

— Я сам! — самонадеянно откликнулся Аتماкин и вдруг, словно у него открылось второе дыхание, стал клонить руку этого неповоротливого кряжа, освобожденного от уроков физкультуры из-за своей близорукости. Худая рука пригвоздила не в пример более мощную.

— Ничего себе! — донесся до Вадима чей-то впечатленный выдох.

На следующей же перемене в их класс тяжелой походкой с показной расшвыркой ног вошел Жанзак:

танк — грязи не боится. Взглядом снайперски остановился на Аتماкине. Многообещающе приблизился к его центральному столу и брезгливо извечному гундосу Сидорчуку:

— Кыш отсюда!..

Значит, весть о победах этого доходяги уже разнеслась по всей школе.

— А ну! — властно ударил Жанзак локтем о стол, пристально глядя на Вадима.

И, особо не мешкая, как и в вольной борьбе, стал с невиданным напором давить руку Аتماкина, чуть не выворачивая ее. Вадим сопротивлялся до последнего, боясь, что лопнут сухожилия, и все-таки не дал уложиться титану в его олимпийские восемь секунд.

Жанзак покидал класс упоенно, по-медвежьи: он в школе действительно самый-самый...